

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

Е. И. Кычанов

**НОВЫЕ СЛОВАРИ В ТАНГУТСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ
РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Весной 1909 г. экспедиция П. К. Козлова вторично посетила развалины Хара-Хото. Еще перед отправлением экспедиции 1907—1909 гг. П. К. Козлов в Петербурге и Москве много слышал от Г. Н. Потанина и В. А. Обручева о затерянном в песках пустыни мертвом городе. «Мысли с Хара-Хото, — писал он, — поэтому целиком приковали наше внимание и наше воображение... Сколько мечталось о Хара-Хото и его таинственных недрах!»¹. В марте 1908 г. небольшой отряд русских путешественников впервые разбил лагерь у стен таинственного города пустыни.

После первых же раскопок П. К. Козлов понял, что работы в Хара-Хото требуют более тщательной подготовки. Поэтому он решил возвратиться сюда уже во всеоружии после посещения района Куку-нора и Амдо. Весной следующего года отряд П. К. Козлова снова прибыл в Хара-Хото. Тогда-то и был открыт «знаменитый субурган», который «подарил экспедиции большое собрание, целую библиотеку книг, свитков, рукописей»². В нижней части субургана обнаружили группу глиняных статуй, размещенных «лицами внутрь, наподобие лам, отправляющих богослужение, перед большими рукописными листами письма Си Ся, сотнями наложенными один на другой»³. Так была найдена уникальная коллекция тангутских рукописей и ксилографов из Хара-Хото.

К сожалению, замечание П. К. Козлова, сделанное им при издании труда «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото», о том, что перечень книг, рукописей и образов, найденных в этом субургане, еще полностью не приведен в известность⁴, до сих пор остается в силе. Изучение тангутского фонда — насущная задача советского востоковедения.

В данной статье мы попытаемся несколько дополнить то, что уже стало известно благодаря трудам А. И. Иванова и Н. А. Невского,

---

¹ П. К. Козлов, *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото*, М.—Пг., 1923, стр. 103.

² Там же, стр. 554.

³ Там же, стр. 556.

⁴ Там же.

предложив вниманию научной общественности описание нескольких новых тангутских словарей, обнаруженных нами при инвентаризации неразобранной части тангутского фонда Ленинградского отделения Института народов Азии.

Предварительное замечание о датировке фонда. Впервые всю коллекцию памятников из Хара-Хото пытался датировать В. Котвич. Изучая найденные П. К. Козловым монгольские ассигнации из мертвого города, он пришел к выводу, что находка их в Хара-Хото дает основание предполагать, что этот город еще жил в период 1287—1368 гг.⁵ Как известно, при династии Юань неоднократно выпускались издания буддийских сутр на тангутском языке⁶. Можно было бы думать, что часть нашего фонда относится ко времени существования Юаньской династии и появилась на свет после гибели тангутского государства Си Ся (982—1227 гг.). Однако все датированные ксилографы и рукописи не выходят за пределы первой четверти XIII в. Наиболее ранний датированный ксилограф — *Buddhabhāṣitaamitābha-sūtra* — помечен 11 годом правления Да-ань, т. е. 1085 г.⁷ (I). Наиболее поздний по времени из всех датированных ксилографов — «Новые законы» — помечен 1212 г.⁸ Большая часть датированных памятников относится к XII в.

Таким образом, субурган, в котором П. К. Козлов обнаружил тангутскую библиотеку, был закрыт или в последние годы существования тангутского государства, или при осаде Хара-Хото монголами в 1226 г.⁹

В работе «Тангутская письменность и ее фонды» Н. А. Невский писал: «Особенно должно отметить в нашей коллекции обилие лексикографической литературы, что показывает, насколько был важен и актуален для тангутов всякий вопрос, связанный с их идеографической письменностью»¹⁰. Лексикографическая литература тангутского фонда сразу же привлекла внимание исследователей. В ней они справедливо увидели ключ к дешифровке тангутской письменности.

Первые тангутские словари были обнаружены и описаны А. И. Ивановым. В 1909 г. он опубликовал описание тангутско-китайского словаря «Перл в руке»¹¹ (1189 г.). А. И. Иванов также обнаружил и кратко описал тангутские словари¹². Благодаря его стараниям содержание этих словарей стало известно зарубежным ученым. Базируясь на этих материалах, А. И. Иванов начал составлять «Словарь тангутского письма». В 1918 г. этот труд был «уже близок к окончанию»¹³.

Однако честь научного описания тангутских словарей принадлежит Н. А. Невскому.

В 1925 г. А. И. Иванов, занимавший тогда пост старшего переводчика Советского посольства в Китае, привез эти словари в Пекин и показал их находившемуся там Н. А. Невскому. Последний с позволе-

⁵ В. Котвич, *Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае*, — «Известия Российского географического общества», 1909, XIV, стр. 477.

⁶ Ван Цзин-жу, *Тангутведение*, Пекин, 1932, стр. I, 7, 13.

⁷ Тангутский фонд ЛО бывшего ИВ АН, инв. № 4773 (здесь и далее тангутские написания помечены римскими цифрами и приведены в приложении в конце статьи).

⁸ Н. А. Невский, *Тангутская письменность и ее фонды*, — «Доклады группы востоковедов на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г.», М.—Л., 1936, стр. 74.

⁹ «История династии Юань», гл. I, издание в серии «Сы-бу бэй-яо», т. 092, Шанхай, 1935, стр. 32.

¹⁰ Н. А. Невский, *Тангутская письменность и ее фонды*, стр. 78.

¹¹ А. И. Иванов, *Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache*, — «Известия Императорской академии наук», 1909, серия VI, т. III, № 12—18, стр. 1221—1233.

¹² А. И. Иванов, *Памятники тангутского письма*, — «Известия Российской академии наук», 1918, стр. 799—800.

¹³ Там же, стр. 799.

ния А. И. Иванова скопировал словари и поместил их подробнейшее описание в одном из японских сборников¹⁴. Так были описаны важнейшие тангутские словари «Гомофоны» и «Море начертаний».

В 1959 г. во время работы над инвентаризацией неразобранной части тангутского фонда Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР нам удалось обнаружить еще несколько новых тангутских словарей.

Один из них мы условно назвали «Предметным словарем тангутской лексики». Его тангутское наименование (II) полностью пока еще не поддается дешифровке. Большая часть словаря — рукопись. Первая и пять последних страниц ксилографированы. По-видимому, перед нами восстановленный от руки экземпляр словаря, изданного прежде ксилографическим способом. Словарь не датирован. Сброшюрован книгой. Его размер 19×13 см, на каждой странице 8 строк по 12 знаков, объем 20 листов. Написан он на серой, многослойной бумаге низкого качества. Местами текст выцвел.

Данный словарь представляет собой собрание тангутских идеографов, сгруппированных по 10 темам, без всяких пояснений. Эти темы, а точнее, разделы словаря следующие: 1) коровы, 2) овцы и козы, 3) пернатые, 4) дикие животные, 5) пресмыкающиеся и насекомые, 6) тангутские фамилии, 7) имена, 8) китайские фамилии, 9) части человеческого тела, 10) жилища (III).

На рис. 1 представлено начало раздела «тангутские фамилии». Список открывается фамилией тангутских государей Вей-мин (IV).

На рис. 2 воспроизведена последняя страница другого словаря такого же типа, изданного ксилографическим способом. Словарь очень плохо сохранился, нижняя часть его истлела.

Объем уцелевшей части словаря 20 листов. В нем представлены разделы: 1) военная подготовка, 2) имена, 3) китайские фамилии, 4) части человеческого тела, 5) жилища, 6) календарь (V. Разделы 2—5 этого словаря совпадают с разделами 7—10 описанного выше словаря).

Для того чтобы читатель смог составить более полное представление о характере этих двух словарей, приведем несколько слов из представленной на рис. 2 последней части раздела «календарь». В крайней правой колонке сверху вниз указаны слова: «прошлый год», «позапрошлый год», «этот год» и т. д. Во второй строке вторая пара слов сверху означает «лето» и «светлый», «ясный» (VI). Затем следует подзаголовок, который значит — «остальные знаки, используемые (в делопроизводстве) всеми управлениями» (VII). Здесь представлены такие слова, как «дворцовое (управление)», первая колонка, третья пара слов; «заслуги и добродетели» (VIII), следующая пара слов и т. д.

Два других словаря относятся к типу описанных Н. А. Невским словарей «Море начертаний» и «Смешанные категории моря иероглифов».

От первого из них сохранилось только два листа. Это рукопись форматом 20,5×13,5 см, которая, по-видимому, была сброшюрована старым китайским способом — «бабочкой». На каждой из сохранившихся страниц пять строк текста по шесть объясняемых знаков (рис. 3). Бумага серая, пожелтевшая, тонкая. Сохранность удовле-

¹⁴ Nicolas Nevsky, *Concerning tangut dictionaries*, — «Сборник статей по Китаеведению, посвященный 60-летию юбилею профессора Кано Наоки», Киото, 1928, стр. 27—41.

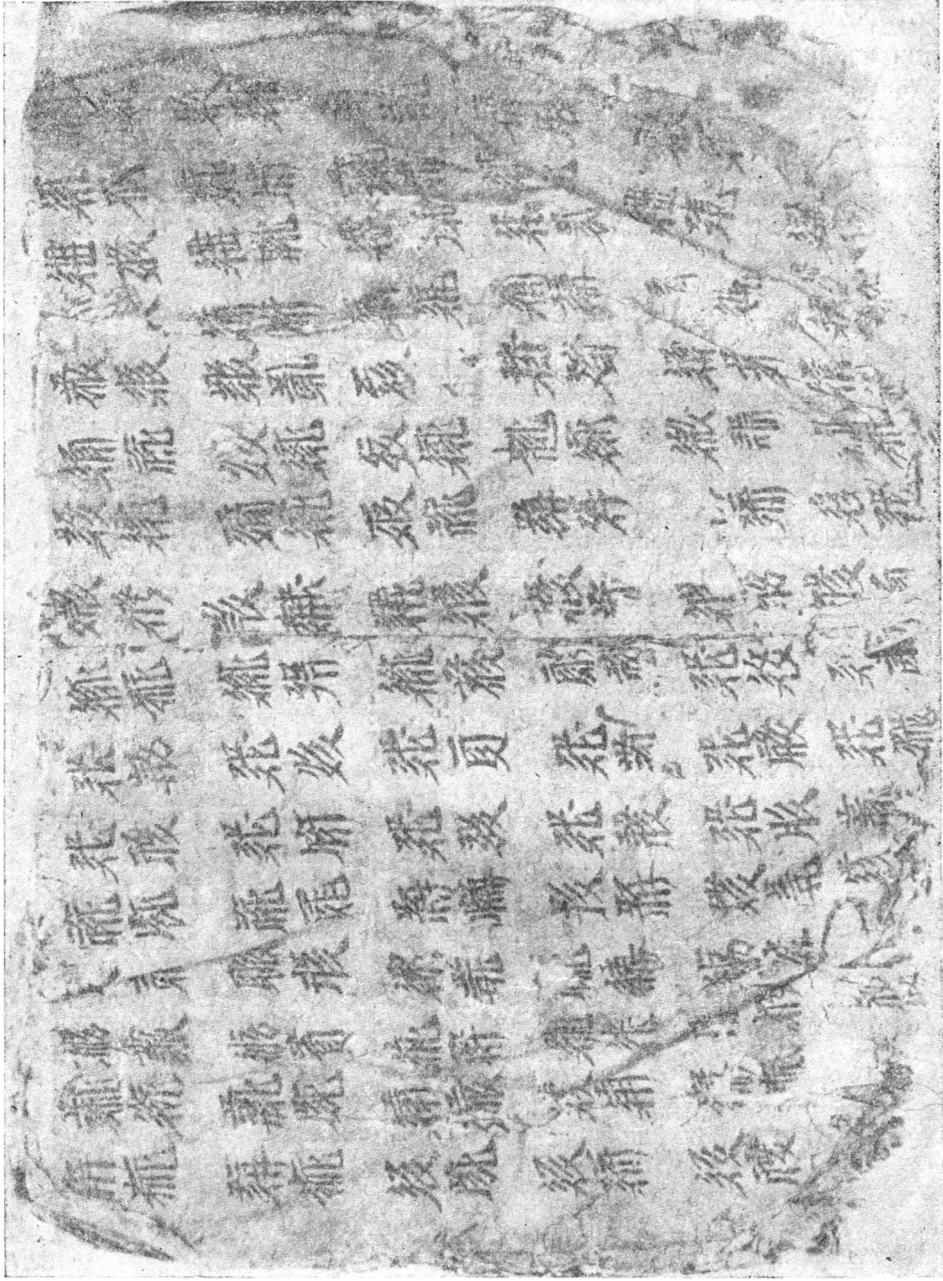

Рис. 1. КОПИЯ СТРАНИЦЫ ИЗ «ПРЕДМЕТНОГО СЛОВАРЯ ТАНГУТСКОЙ ЛЕКСИКИ».
НАЧАЛО РАЗДЕЛА «ТАНГУТСКИЕ ФАМИЛИИ».

Рис. 2. КОПИЯ СТРАНИЦЫ ИЗ КСИЛОГРАФИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ
 «ПРЕДМЕТНОГО СЛОВАРЯ ТАНГУТСКОЙ ЛЕКСИКИ»

На рисунке показан конец раздела «Календарь» и начало раздела
 «Знаки, используемые (в делопроизводстве) управлениями».

Рис. 3. КОПИЯ СТРАНИЦЫ ИЗ СЛОВАРЯ ТИПА «МОРЕ НАЧЕРТАНИЙ».

творительная. В данном словаре объясняемый знак написан четким, крупным почерком. Каждый тангутский идеограф получил здесь все-стороннее описание. С правой стороны указаны идеографы, из составных частей которых образован тот или иной знак. Очень любопытно, что в данном фрагменте для обозначения частей исходных знаков использованы условные значки. Эти значки представляют собой сокращения идеографов, служащих для этой же цели в описанном Н. А. Невским словаре «Море начертаний»¹⁵ (см. IX). Сокращенные варианты даны в таблице вместе с полным написанием идеографа в следующем порядке: знаки обозначают, что у исходного знака взята правая половина, левая половина, знак взят полностью, взята верхняя часть, нижняя часть, обрамляющая часть, центральная часть (полное написание последнего знака нам пока неизвестно).

Внизу дано подробное пояснение значения знака и его употребление. Идеографы внутри словаря расположены по фонетическому принципу. Все одинаково читающиеся знаки объединены в одну группу. У первого основного знака, определяющего чтение данной группы идеографов, слева по системе «фань-це» указано чтение всей группы следующих за ним знаков. В данном фрагменте представлены знаки, чтение которых начинается с губных «б» и «м».

Рассмотрим на примере, как читаются знаки в этом словаре. Мы видим, что искомый знак (X) образован из правой части знака «большой» (XI) и правой части знака «обезьяна», «дикое животное» (XII). Знак и вся группа знаков, которую он открывает, помещаются под 69-й рифмой ровного тона (XIII), и значение их объяснено по системе «фань-це» знаками, чтение которых пока еще не определено (XIV—XV).

В объяснении значения знака сказано следующее: «искомый знак (X) означает название дикого животного» (XVI). Таким же образом раскрывается содержание знака «люди» (XVII) (см. рис. 3, второй знак сверху в крайней левой строке). В объяснении его значения говорится, что это собирательный знак, обозначающий всех людей в целом.

В коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии обнаружен еще один большой словарь такого же типа. Это рукописный свиток на серой, очень тонкой и ветхой бумаге шириной 22,5 см и длиной 5 м 16 см. Число объясняемых знаков в строке не одинаково. Объяснение идеографов точно такое же, как и в словаре, описанном выше. Словарь без начала и конца, сохранились лишь разделы слов, начинающихся с губных и дентальных. Текст написан на обратной стороне какой-то неизвестной сутры. Это очень затрудняет чтение, так как находящиеся с обратной стороны идеографы текста сутры просвечивают сквозь тонкую бумагу и усложняют понимание и без того мелко и нечетко написанного текста словаря.

Кроме четырех описанных выше словарей, нами обнаружены также многочисленные фрагменты описанного ранее Н. А. Невским словаря «Гомофоны». Этот словарь, как установил Н. А. Невский, включает в себе список тангутских идеографов, расположенных по начальным согласным, объединенным в разделы губные смычные, губные спиранты, дентальные, палатальные, заднеязычные, дентально-альвеолярные (с соответствующими аффрикатами), палато-альвеолярные (с соответствующими аффрикатами), гортанные (в указанный раздел отнесены все гласные фонемы) и ликвидные¹⁶. Внутри каждого отдела все идео-

¹⁵ Nicolas Nevsky, *Concerning tangut dictionaries*, стр. 35—36.

¹⁶ Там же, стр. 29—30.

Рис. 4. «ГОМОФОНЫ». ФРАГМЕНТЫ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ОБЛОЖКИ СУТРА

графы, имеющие один и тот же фонетический коэффициент, соединены в группы, отделенные одна от другой кружком. Таким образом, в нем, как и в словарях типа «Море начертаний», определив чтение хотя бы одного идеографа группы, можно определить чтение всех остальных знаков той же группы. Кроме того, каждый знак сопровождается другим знаком, близким ему по значению или являющимся его синонимом. На рис. 4 представлен фрагмент словаря, извлеченный из обложки сутры (такие обложки, как правило, клеились из обрезков бумаги).

Приведем пример, позволяющий более ясно определить характер данного словаря. Во второй колонке справа нижний знак (XVIII) транскрибируется китайскими знаками чжэ, шэ. Следовательно, вся группа знаков, которую он замыкает, имеет чтение, близкое к произношению указанных китайских иероглифов. Этот знак означает «десять», «десяток» и поясняется другим знаком (XIX), который также значит «десять» и употребляется гораздо чаще, чем объясняемый знак.

Рассмотренные нами типы словарей (исключая разнообразные фонетические таблицы), по-видимому, были наиболее распространенными в тангутском государстве. Эти словари показывают, что тангуты очень хорошо смогли разработать лексику и в особенности фонетику своего родного языка. В данном случае они опирались на богатый опыт китайской лингвистики. Еще А. И. Иванов указывал, что словари типа «Море начертаний» составлены по образцу известного китайского словаря Танской эпохи «Гуан юнь»¹⁷. С другой стороны, большое количество словарей, по нашему мнению, свидетельствует о сложности тангутского письма и трудностях его изучения и понимания.

Как известно, тангутское письмо было создано в 1036 г. Образцом, по которому тангуты строили свою письменность, явилась китайская иероглифика¹⁸. На наш взгляд, такое сходство довольно отчетливо прослеживается в целом ряде элементов тангутских идеографов (см. XX, где тангутские детерминативы: 1) вода, 2) овца, корова, 3) брат, 4) демон, 5) нить, 6) дерево, 7) высокий, прошлый — графически сходны с родственными им по смыслу китайскими иероглифами или элементами китайской иероглифики).

В основу тангутской графики, по нашему предположению, легли восемь основных черт (XXI), из сочетания которых образовались разнообразные элементы идеографов, имеющие смысловое и, возможно, фонетическое значение (XXII: 1) человек, 2) дом, жилище, 3) свет, блеск, 4) пышность, красота, 5) святой, одухотворенный и т. д.). Из сочетания таких элементов уже конструировались тангутские идеографы, а многие из них в свою очередь сами становились исходными знаками для создания все новых и новых идеографов. Например, элементы знаков «желудок» (1) и «полный» (2) образовывали идеограф «сытый»; элементы знаков «святой» (3) и «сын» (4) — идеограф «император»; элементы идеографов «земля» (5) и «демон» (6) — идеограф «ад» (XXIII). Каким образом новые идеографы образовывались из готовых знаков, было показано в описании третьего словаря (X).

Нам кажется, что в самом формировании элементов, образующих тангутские идеографы, есть совершенно определенная закономерность (XXIV). Пока еще нет возможности проследить ее внутренние связи (если таковые имеются), но наличие какого-то единого принципа, кото-

¹⁷ А. И. Иванов, *Памятники тангутского письма*, стр. 800.

¹⁸ Ло Фу-чан, *О тангутской письменности* (издание в серии «дай-ши-сюань-цунь-кань»), Шанхай, 1937, стр. 10а.

рому следовали составители тангутского письма при образовании элементов идеографов, очевидно.

Мы уже отмечали, что некоторые из этих элементов имеют явно китайское происхождение. В свое время Г. Девериа, впервые ознакомившись с большим тангутским текстом, высказал предположение, что тангутская письменность была создана по образцу киданьской¹⁹. В то время киданьская письменность была известна лишь благодаря нескольким знакам, сохранившимся в китайских источниках. Как показали наши наблюдения, действительно, в киданьской письменности есть целый ряд графических элементов, схожих с тангутскими, и заимствование здесь возможно. (См. XXV, где первые элементы тангутские, а рядом с ними сходные киданьские²⁰.) Однако гораздо больше сходства с тангутской графикой имеет чжурчжэньская письменность²¹. Она была создана позднее тангутской, и тангутское влияние на эту письменность сказалось больше, чем влияние киданьской на тангутскую (см. XXVI, где первые элементы тангутские, а рядом с ними чжурчжэньские).

Все эти три еще не дешифрованные письменности в основе своей графической системы имели китайскую иероглифику. Связь между киданьскими элементами письма и китайской иероглификой, основанную на фонетической близости схожих элементов (т. е. связь, не аналогичную указанной нами связи между элементами тангутских и китайских иероглифов см. XX), отмечал еще Л. Н. Рудов²². Но говорить о том, существовала ли какая-нибудь иная связь, кроме внешнего сходства элементов, между интересующими нас тремя системами письма, в настоящее время пока еще невозможно.

Комплексное изучение всей лексикографической литературы тангутов — один из самых верных путей к раскрытию внутренней закономерности системы письма Си Ся. А знание этой системы, возможно, в какой-то мере позволит еще больше приподнять завесу и над тайнами киданьского и чжурчжэньского письма²³, с которым, как мы пытались показать, тангутская письменность была, несомненно, связана.

---

¹⁹ G. Devéria, *L'écriture du royaume de Si-Hia ou Tangout*, — «Mémoires présentés par divers savants de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», 1-re série, t. XI, 1-re partie, Paris, 1898, pp. 26, 28.

²⁰ Киданьские элементы заимствованы из публикации киданьских текстов в журнале «Го-сюе-ци-кань» («Ежеквартальный синологический вестник»), 1932, т. III, № 3, стр. 397—420.

²¹ Чжурчжэньские элементы взяты из кн.: «A Jučen-Japanese-English Glossary, compiled by Hiroaki Jamaji, Research-room for the Asian and African languages», Токио, 1956.

²² Л. Н. Рудов, *Проблемы киданьской письменности* (архив ЛО бывшего ИВ АН, ф. 77, ед. хр. 7).

²³ О дешифровке чжурчжэньской письменности см.: Louis Ligety, *Note préliminaire sur le déchiffrement des «petits caractères» joutchen*, — «Acta Orientalia», t. III, 1953, fasc. 3, pp. 211—228.

ТАНГУТСКИЕ НАПИСАНИЯ

I. 𠂔尾 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔

II. 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔

III. 1. 𠂔	6. 𠂔 𠂔 𠂔
2. 𠂔	7. 𠂔 𠂔
3. 𠂔 𠂔	8. 𠂔 𠂔 𠂔
4. 𠂔 𠂔	9. 𠂔 𠂔
5. 𠂔 𠂔 𠂔	10. 𠂔 𠂔

IV. 𠂔 𠂔

V. 1. 𠂔 𠂔... 6. 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔

VI. 𠂔 𠂔, 𠂔 𠂔, 𠂔 𠂔, 𠂔 𠂔

VII. 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔

VIII. 𠂔 𠂔, 𠂔 𠂔

IX. 𠂔 = 𠂔; 𠂔 = 𠂔; 𠂔 = 𠂔, 𠂔 = 𠂔;
 𠂔 = 𠂔, 𠂔 = 𠂔; 又;

X. 𠂔, XI. 𠂔, XII. 𠂔, XIII. 𠂔,

XIV-XV. 𠂔 + 𠂔; XVI. 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔 𠂔,

XVII. 𠂔,

XVIII. 𠂔, XIX. 𠂔,

XX. 1. 𠂇 = 𠂇, 2. 𠂇, 𠂇 = 𠂇, 3. 𠂇 = 𠂇, 4. 𠂇 = 𠂇, 5. 𠂇 = 𠂇;
6. 𠂇 = 𠂇; 7. 尾, 尾 = 長,

XXI. 1 — (.) 5 2
2 | 6 3
3 L 7 /
4 7(777) 8 \

XXII. 1 𠂇, 𠂇, 𠂇, 𠂇, 2 1, -, = 𠂇; 3 3, 1, 𠂇, =, 𠂇,
4 —, 1, 𠂇, 𠂇; 5 𠂇, 1, 𠂇

XXIII. 1 𠂇 + 2 𠂇 = 𠂇, 3 𠂇 + 4 𠂇 = 𠂇;
5 𠂇 + 𠂇 = 𠂇,

XXIV. 1 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 —
𠂇 𠂇 𠂇 — 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇
𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇
𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇
𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇
𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇

XXV. 1 𠂇 = 𠂇, 2 𠂇 = 𠂇, 3 𠂇 = 𠂇, 4 𠂇 = 𠂇, 5 𠂇 = 𠂇, 6 𠂇 = 𠂇,
7 𠂇 = 𠂇,

XXVI. 1 𠂇 = 𠂇, 2 𠂇 = 𠂇, 3 𠂇 = 𠂇, 4 𠂇 = 𠂇, 5 𠂇 = 𠂇,
6 𠂇 = 𠂇, 7 𠂇 = 𠂇, 8 𠂇 = 𠂇, 9 𠂇 = 𠂇, 10 𠂇 = 𠂇;